

Петер Тирген

ИСТОРИЯ РУССКИХ ПОНЯТИЙ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена итогам и перспективам истории понятий как отрасли гуманитарной науки. Рассмотрены взаимосвязи истории понятий с контактными гуманитарными дисциплинами: историей философии, историей языка, историей права, историей концептов, историей идей, культурологией, лингвистикой (ономастология, синонимия, антонимия, фразеология). Сформулирована цель разработки истории русских понятий и позиционирования соответствующей отрасли гуманитарной науки в России. Проанализированы проблемы, затрудняющие прогрессивную эволюцию этой отрасли в России: отсутствие национальной философской традиции, почти остановившееся в XX–XXI вв. развитие классической филологии, исторически существующая билингвальность русской словесной культуры, характерное для русского менталитета удвоение понятий, наконец, отдаленность интересов ведущих научных направлений русской филологии от задач исследования истории понятий.

Ключевые слова: история понятий как научная дисциплина, история русских понятий, междисциплинарность гуманитарной науки.

I. История понятий как научная дисциплина

История понятий представляет собой очень сложную дисциплину. Не обладая статусом самостоятельного предмета в учебной программе высшей школы, она пытается на ощупь определить свое место среди таких вполне сформировавшихся дисциплин, как этимология и история идей, история философии, история культуры; при этом история понятий подвержена всем рискам и обладает всеми шансами междисциплинарной эвристики. В разных странах и в разных языковых ареалах в термин «история понятий» вкладывается самое различное содержание в зависимости от национальной традиции; в эпоху господства биологии, точных наук и экономики история понятий вызывает подозрения в спекулятивности, неопределенности и бесполез-

ности; наконец, она не может служить источником утилитарной экспресс-информации в силу своей глубинной природы, по определению диахронной и абстрактной.

История понятий не удовлетворяет распространенному в наше время пристрастию к статистике, фактографии, (лже-)объективности и прагматической пользе. Столь же далека она от заблуждения, предполагающего возможность втиснуть человеческое мышление и историю человечества в рамки так называемой языковой картины мира или в прескрипции теоретических концептов. Она выступает против «латентной наивности чистой систематики» [1. S. 270].

Понятия и история понятий являют собой перманентные *crucis interpretum*¹. Они таят в себе истинно «дьявольские» опасности: греческий глагол *diaballein* помимо прочего обладает еще и значением «выворачивать понятия наизнанку». Языковой скептицизм и недоверие к языку сопровождали человечество на протяжении всей истории его существования. Тезису «В начале было слово» (Ин. 1, 1) всегда сопутствовала антитеза «В начале было недоверие к слову». Греки и римляне терзались вопросом о «кажущейся истинности» (*species recti* Горация²), Августин предупреждал: «*incognita pro cognitis habere periculosum*»³ (De magistro).

Многие писатели и мыслители Средневековья считали слово и словесные искусства лишь «смехотворной личиной» (*cortex ridiculus*). Артур Шопенгауэр осуждал «черепаший шаг» мысли тех авторов, которые довольствуются «несказанной удовлетворенностью словами» в силу своей неспособности к «отчетливым понятиям» и к «ясности выражений» [2. S. 185 и след.]. Фридрих Ницше в свою очередь говорил о «великом колумбарии понятий», в котором «погребены видимости» [3. S. 319]. По мнению Людвиг Витгенштейна, речь не только одевает, но и переодевает мысли. Авторы статьи об истории понятий в Большом историко-философском словаре настойчиво предостерегают от риска впасть в «кажущуюся точность» [4. S. XIII–XXIX].

¹ Примеч. пер.: «Крест интерпретаторов» (лат.) – значок креста, отмечающий в изданиях то место текста, которое считается испорченным в рукописной традиции и не поддающимся ни удовлетворительному истолкованию, ни исправлению. – О.Л.

² Примеч. пер.: Ср.: [Saepe] decipimur specie recti. (Перевод: Мы часто обманываемся кажущейся правдой): Ног. Ars poet. 25; Гораций. Наука поэзии: «Мы, стихотворцы, бываем наружным обмануты блеском». Пер. М. Дмитриева. – О.Л.

³ Перевод: «опасно принимать неизвестное за известное». – О.Л.

Гете в трагедии «Фауст» четко разграничивает слово и понятие. В сцене «Кабинет Фауста» Мефистофель в лучших традициях софистики берет слово под защиту: «Словами диспуты ведутся, // Из слов системы создаются; // Словам должны вы доверять: // В словах нельзя ни йоты изменять» (ст. 1997 и след.). Ученик же, напротив, настаивает на том, что «<...> ведь понятия в словах должны же быть?» (ст. 1993). Гете отчетливо понимал, что язык может быть инструментом для создания своего рода дымовой завесы, затуманивающей смысл: «имя – только дым и звук» (ст. 3457) [5. S. 49, 98].

История понятий намного сложнее этимологии. Рейнгарт Козеллек сравнивает слово с «сосудом»; напротив, понятие он определяет как комплексное и зачастую спорное содержимое этого сосуда: «каждое понятие привязано к слову, но не каждое слово является <...> понятием» [4. S. XIX]. Кто изучает проблемы философии и вопросы научного мышления, должен, согласно Гегелю, взвалить себе на плечи все тяготы «серьезности понятия» («Феноменология духа», Предисловие 2).

Вышеприведенные цитаты дают определенное представление о том, что следует подразумевать под понятиями, анализом понятий и историей понятий. Я, в свою очередь, под «понятием» подразумеваю некий духовный концепт, охватывающий полное комплексное содержание слова, которое в определенный продолжительный или непродолжительный промежуток времени является ключевым словом или основным понятием истории идей, культуры и общества, т.е. духовной истории.

Таким образом, понятийное слово должно рассматриваться как сущее и репрезентативное в аспекте своей идейно-исторической, философской, политической и т.д. актуальности. В силу своей семантической сложности оно постоянно нуждается в динамичной корректировке принятой в данный момент интерпретации (которая, в отличие от большинства естественноведческих трактовок, не требует непрямого одобрения).

История понятий исследует генетически-смысловые, исторические процессы становления или трансформации данных ключевых слов. Подобные исследования как *retractatio* (переделка, поправки) включают в себя не только дескриптивные, но и значительные реконструктивные, а иногда и спекулятивные, и некоторые делиберативные составляющие. Чем дольше существует понятие, тем больше «необоснованности» и «бездонности» ему свойственно. Эта «необоснованность» объясняет невыполнимость некоторых историко-понятийных задач.

В непосредственном соседстве с историей понятий находятся история концептов, история идей, исторические понятия, история дискурса, дискурсивный анализ («<...> Begriffe sind die thematischen Bausteine der Diskurse»; перевод: «Понятия – это краеугольные камни дискурса» [6. S. 153], историческая семантика, культурологическая семантика, культурологическая лингвистика, исследование ключевых слов и т.д. Разумеется, здесь должны учитываться и лингвистические науки: ономастиология, синонимия, антонимия, фразеология и т.д. [7. P. 1829–1837]¹. См. также: [8, 9].

Именно центральные ключевые понятия духовной и культурной истории (свобода, равенство, истина, справедливость, добродетель, совесть, идея, душа, разум, человеколюбие, прогресс, цивилизация, иллюзия, любовь к себе/себялюбие, нигилизм, зло и др.) являются теми терминами, которые обеспечивают взаимосвязь различных дисциплин. Речь идет, как сказал Ганс-Георг Гадамер, об «общих понятиях, и прежде всего о тех понятиях, которые обеспечивают мирное сосуществование людей без убийства и разрушения, в системе общественных отношений, основанных на конституционном порядке и экономически обоснованном разделении труда» [10. S. 237]. Другие ученые говорят об «исходных, изначальных понятиях», которые касаются проблемы универсалий культуры.

Каждая из перечисленных дисциплин может внести свой вклад в изучение формирования понятий при помощи своего аналитического и синтетического инструментария. Исследователи понятий, занимающиеся проблемами «Что есть обязанность?» (ср.: Цицерон. «Об обязанностях») или «Что есть истина?» (ср. вопрос Понтия Пилата Христу – Ин., 18, 38) или «Что есть страх?» (ср.: Кьеркегор. «Понятие страха») должны, по меньшей мере, разбираться в классической филологии, философии, теологии, правоведении, истории общественного вознания, истории экономики, а также в истории менталитета и в этнопсихологии. Однако ни один исследователь не в состоянии соответствовать подобному требованию универсальной междисциплинарной эрудиции.

Понятие культуры само по себе уже является «целостным понятием» [6. S. 151]. Из этого следует вывод, что история многих понятий в справочной литературе («Реальная энциклопедия науки о классической древности» Паули-Виссова, «Философский исторический словарь», «Словарь основных исторических понятий» и др.) может быть

¹ За указание на это издание выражаю благодарность Гельмуту Кайперту (Бонн).

представлена не одним единственным, а сразу несколькими учеными (например, специалистами, занимающимися древней историей, Средневековьем и Новым временем). Междисциплинарное и трансдисциплинарное позиционирование истории понятий представляет собой огромную проблему [12, 13], в частности, предисловие к сборнику «Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte» («Междисциплинарность истории понятий») гласит: «Diese Interdisziplinarität ist hier kein *pium desideratum* und kein Postulat, sondern ein Faktum» (Перевод: «Междисциплинарность здесь – не заветная мечта и не постулат, но факт» [11. S. 11]. И, разумеется, с достаточной долей остроумия и скепсиса здесь можно было бы порассуждать на тему «понятие понятия» [14. S. 21 etc.].

Исследование понятий и истории понятий интересовало человечество со времен возникновения письменности. Греческое слово «lógos» обозначает мышление, закон, язык, слово и понятие [10. S. 239]. Основную подготовительную работу, начиная с возникновения греческой философии и заканчивая формированием римского правового сознания, проделали греки и римляне. Христианская теология тоже внесла свой вклад в историю понятий. Наконец, и история европейской философии заложила свой собственный фундамент для этой отрасли научного знания, но истинной обителью истории понятий стало прежде всего немецкое языковое пространство.

Не случайно немецкий неогуманизм, немецкий идеализм и немецкая классическая литература со своим воспитательным романом, который можно было бы назвать понятийно-концептуальным (концепты «прекраснодушия», «самоотречения» и «гуманности», идеал «добраго, истинного и прекрасного» и др.) подготовили для этого необходимую почву. Позже над созданием первых словарей, вслед за И.-Г. Вальхом и В.-Т. Кругом, работали такие лингвисты и исследователи понятий, как Рудольф Эйслер, Рудольф Эйкен, Рихард Майер, Отто Ладендорф и Фридрих Клуге – не говоря уже о братьях Гримм и других великих этимологах. Наконец, и такие отрасли немецкой гуманитарной науки, как классическая филология, история, романская филология, социология, психология и история культуры, внесли свой значительный вклад в эту область знания.

Интерес к истории понятий возрастает, а сама отрасль методологически совершенствуется и эдичионно систематизируется после Второй мировой войны. Начиная с 1955 г. публикуется «Архив истории понятий», с 1961 г. – «Архив социальной истории», с 1963 г. на-

чинает выходить серия «Ключевые слова европейской культуры», с 1971 г. издается «Исторический словарь философии». Между 1972 и 1997 гг. выходят в свет «Основные понятия исторической науки» (О. Бруннер, В. Конце, Р. Козеллек). В этих и многих других справочных пособиях западного, западноевропейского и особенно немецкого языкового пространства собрано поразительное количество сведений, позволяющих осознать всю обширность проблематики истории понятий как отрасли гуманитарной науки [4. S. XV].

Поэтому неудивительно, что в Германии до сих пор регулярно издаются сборники трудов по истории понятий [4; 6–14]. И все больше дисциплин принимает участие в дискуссиях на эту тему. В широком смысле можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с феноменом *Linguistic Turn* (лингвистический поворот) [15. S. 7 etc.].

II. История понятий в России

Если в западном и прежде всего в немецкоязычном пространстве история понятий принадлежит к числу уже сложившихся и традиционных исследовательских методик, то в России такого рода исследования находятся на начальной стадии развития. Сам термин «история понятий» еще не укоренился в науке, и было бы напрасным трудом искать его во многих философских и филологических изданиях. Интерес к классическим языкам, равно как к немецкому и французскому, ослабевает: это затрудняет русским ученым знакомство с соответствующими иноязычными исследованиями по истории понятий.

В России гуманитарные науки находятся в еще более тяжелом положении, нежели на Западе: они постоянно страдают от падения авторитета этих дисциплин, от сокращения рабочих мест, от постыдно ничтожного финансирования. Привилегированная англомания, прагматика и утилитаризм, выражающиеся в предпочтении таких предметов, как информатика, экономика или модные дисциплины: гендерные исследования, теория коммуникации, медиаведение, так называемое киноведение и *Ironic Turn* (иронический поворот), тривиальная культурология и пр., с их популистской склонностью к упрощенной экспресс-информации, – все это вытесняет как способности к историко-лингвистическому мышлению, трудоемкой работе с источниками, так и долгосрочные проекты, требующие определенной выдержки. Не больше пользы приносят и раздражающие тенденции к умствованиям в русофильском духе, скорее мистическому, нежели

научному («русская душа», «славянская идея, «евроазиатский дух», «расовый смысл русской идеи» и т.д.). Серьезная философия с ее пограничными и соседствующими науками, к которым относится и история понятий, занимает очень шаткое положение в этой парадигме, вплоть до того, что России диагностируют «потерянный разум», как это делает С.Г. Кара-Мурза в своей одноименной монографии, заключенной следующим выводом: «<...> наша интеллигенция <...> не выполнила своей обязанности – вводить поток массового сознания в рамки разумных умозаключений, она не дала людям примера спокойных рассуждений, применения ясных понятий и надежной меры» [16. С. 727]. И даже если совсем не принимать во внимание эти тревожные симптомы, вывод тем не менее разочаровывает.

Ситуация выглядит еще хуже, когда для историко-понятийных исследований возникают трудности, восходящие к русской истории и истории духовной жизни России и достигающие своего апогея в советское время. Вот несколько соображений на этот счет [4. S. XVIII etc.].

1. Исходной дисциплиной, из которой берет свое начало история понятий, является философия. Но в России очень слабо развита философская традиция. Больше всего преуспела религиозная философия в конце XIX в. Однако многие выдающиеся философы выступали против теологии и религиозной философии (ср. известные резкие инвективы Хайдеггера). Александр Герцен придерживался мнения, что мир не может быть спасен «подогретой религией» и свойственным современному человеку недостатком последовательности в понятиях: «<...> какой недостаток последовательности в понятиях современного человека!» [17. С. 133]. Александр Пушкин в 1825 г. выразил сожаление о том, что русский философский язык («метафизический язык») находится в «диком состоянии», или даже вовсе не существует, из-за чего все свои понятия русские должны заимствовать из иностранной литературы [18. С. 21]. Иван Гончаров говорил о русском «растлении понятий и нравов». Федор Степун утверждал, что большинству русских мыслителей чужда тщательная ювелирная работа над понятиями [4. S. XX etc.]. Судьбы философии и религиозной философии во времена Советского Союза нам хорошо известны. Хайдеггер заметил, что так называемая советская философия являет собой «печальную материю» (высказывание относится к 1967 г.) [19. S. 156]. Истинная история понятий требует бесцензурной работы с источниками, широкого кругозора, свободы мысли и отказа от идеологии. Эти условия были ог-

раничены при царизме, а во времена Советского Союза и вовсе перестали существовать. Подобные ограничения – это, вероятно, самое тяжелое историческое наследие, препятствующее развитию истории понятий в России.

2. Не только философия, но и многие другие значимые научные отрасли истории духовной жизни в России, а позже и в Советском Союзе, не могли прогрессировать должным образом. Важная для развития истории понятий классическая филология, равно как и юриспруденция, пережили «катастрофический упадок» после 1917 г. [20; 5. S. 401]. Кроме того, в России не было прочных оснований для укоренения римского права – соответственно, от этого страдало усвоение системы понятий и нравственных ценностей персонализма [21. С. 22]. В спорных случаях предпочтение всегда отдавалось церковно-каноническому праву. Разделение функций юриста по профессии и священника по сану, изначально связанное со становлением римского права, долгое время не имело своего русского эквивалента, а во времена Советского Союза преобладала, так сказать, личная уния «идеологически грамотного священника» и партийного прокурора. К тому же древнерусское судопроизводство часто предпочитало казуистическое решение по отдельным частным случаям и бытовое право положительному правовому регулированию, которое могло бы способствовать осознанию действующей правовой культуры с ее основными ценностями, зафиксированными в соответствующих понятиях. Повальная безграмотность сделала все остальное. В марксистско-ленинской исторической науке после 1917 г. вновь возобладала идеологическая система принуждения, которая, разумеется, разрушила теологию и историю религии. Свобода мысли могла существовать только во внутренней эмиграции. Еще больший вред истории понятий нанесло начавшееся после перестройки на волне своего рода юношеского максимализма вышеупомянутое засилье популярных теорий. Философ Одо Марквард считает, что не легковерная молодежь, а люди, достигшие зрелого возраста, являются «<...> особенно теоретически одаренными, поскольку с течением времени – по меньшей мере – редуцируется склонность к единомыслию» [23. S. 135]. И разве не «склонности к единомыслию» и «иллюзии бесконечности» требовали православие и коммунистическая идеология? Укорененное в философии понятийное мышление, требующее, напротив, самостоятельности, противостоит и тому и другому.

3. Русское и западное языкознание занималось в первую очередь этимологией, семантикой, лексикологией, фразеологией и терминологией, а не классической историей понятий. Формальные описательные модели лингвистики, математическая лингвистика и информатика еще больше отдалены от истории понятий. В 1971 г. Мартин Хайдеггер заметил: «Сознательно или бессознательно, но вычислительная лингвистика проделывает подготовительную работу, которая гарантирует господство информатики, т.е. науки о строении и использовании компьютера. Речь идет уже о поколениях компьютеров, что <...> означает прорыв витальности в рукотворную технику. Тот же смысл заключают в себе распространенные высказывания философии о способах и моделях представления» [24. S. 41]. Можно сказать, что лингвистика постепенно превращается в одну из естественных наук, и это влечет за собой потерю представлений об «исторических основах языка» [8. S. XIV]. Так называемый лингвистический поворот (Linguistic Turn) в истории и культурологии не способен сбалансировать это однобокое развитие.

Еще хуже дело обстоит в литературоведении. Научные направления, такие как формализм, структурализм, риторика, нарратология, деконструктивизм, абсурдизм и др., не вносят ни малейшего вклада в развитие истории понятий. Многие, в особенности молодые, литературоведы занимаются исключительно литературой Нового времени или только современной литературой. Филология в строгом смысле слова сегодня больше не ценится. Сегодня особенно привлекательными отраслями гуманитарной науки являются теория средств массовой коммуникации, коммуникативные стратегии или Iconic Turn (визуальный поворот). Нормативные методы пользуются куда большей популярностью, нежели подобные истории понятий смыслообразующие подходы [25. S. 425]. Поэтому тяжелая участь, постигшая в Советском Союзе широкие круги академической элиты, сопровождается ныне еще и актуализирующимся саморедукционизмом [26]. И любой популизм, независимо от того, коренится ли он в идеологии тоталитарного режима или в модных тенденциях, неизбежно влечет за собой манипуляцию понятиями.

4. История русских понятий представляет собой большую сложность еще и в силу билингвальности русской словесной культуры, т.е. исторически реально существовавшей церковнославянской диглоссии; кроме того, в определенный период русской истории, по крайней мере в русской образованной элите, существовала еще и триглоссия:

русский – церковнославянский – французский; прибавим к этому многочисленные заимствования из греческого, латинского, голландского, итальянского, немецкого и, наконец, английского языков. В настоящий момент все языки, в том числе и русский, переживают мощное вторжение англицизмов, с которым соседствуют альтернативные пуристические течения. Русский язык переполнен заимствованиями, кальками и интернационализмами, которые нередко влекут за собой и перенос понятий. Прилагательное «равнодушный» восходит к греческому «isôpsychos/homôpsychos» (единомышленный, согласный), но со временем оно приобретает совершенно противоположные значения «безразличный, индифферентный». Понятия «самолюбие» и «себялюбие» восходят к концу XVIII в. – к терминам этики Ж.-Ж. Руссо «amour-propre» (себялюбие) и «amour de soi» (самолюбие, т.е. любовь к самому себе) [27. S. 203–217].

Наряду с этим в русском языке существует и такое не очень-то распространенное в западных языках явление, как удвоение понятий (ср. свобода/воля, правда/истина, мир/свет, узкий/тесный и т.д.). А сколько значений заключено в словах «тоска», «мир», «пошлость», «безвременье», «обломовщина» или «всечеловек»? А кто может сказать, что именно и в чьих устах означает мнимо-русское понятие «нигилизм»? Верно ли утверждение Юрия Лотмана, что в России преобладает противопоставительно-бинарное мышление с противительно-антонимичными словопарами? Или же прав Петр Чаадаев, утверждавший, что русское мышление неспособно различать антономичные концепты, такие как «добрый» и «злой» или «истина» и «ложь»? Что верно – разграничение или смешение этих понятий?

Русская история понятий предлагает богатейший материал: при условии применения диахронического и сравнительного методов ее систематическое изучение могло бы верифицировать или опровергнуть многие до сих пор спекулятивные тезисы в области ментальных исследований, геопсихологии или популярной культурософии. По крайней мере, она могла бы осмысленно собрать более обширный, нежели существующий, базис источников и сделать его доступным. Нужно признать как неизбежную трудность тот факт, что русские понятия находятся в напряженных отношениях с семантикой слова и текста, что они, будучи заимствованиями из других языков, зачастую недостаточно

определенны и находятся в как бы подвешенном состоянии, колеблясь между полюсами смысла и мнения [28. S. 30 etc.].

Несмотря на то, что в российской науке отсутствует прочная традиция изучения истории понятий, укорененного в философии, истории и правоведении, в ней все же существует большое количество подготовительных исследовательских работ. Важные научные подходы и фактический базис для истории русских понятий предлагают такие дисциплины, как этимология, исследования в области ключевых слов и ключевых идей, языковой картины мира и концептосферы, а также толковые словари, справочная литература по истории культуры и истории идей, лингвокультурология, лингвофилософия и терминоведение [29–34].

Кроме того, сюда же следует отнести обнаружение словарей, ранее считавшихся утерянными [35], а также проекты по созданию новых словарей, энциклопедий и регулярно издаваемые конкордансы (светский аналог теологического комментаторского жанра «симфонии») [36]. Несмотря на то, что желание поскорее восполнить имеющиеся в данной области пробелы влечет за собой появление скоропелых публикаций, следует констатировать наличие основательной базы для дальнейшего развития истории русских понятий [4. S. XVII etc.]. Чего действительно не хватает российской науке в этой отрасли, так это фундаментальных крупных проектов типа исторического словаря философии или словаря основных исторических понятий, а также специальных изданий типа архива истории понятий.

Российская академия наук (РАН) должна взять на себя соответствующие обязательства и способствовать продвижению долговременных фундаментальных проектов в этой области. Историко-понятийное исследование русской лингвистической науки нуждается в организаторской систематизации, методологическом регулировании и, возможно, централизации в научно-исследовательских институтах. В любом случае координация действий в этом направлении желательна и необходима. Изданные на Западе основополагающие труды по истории понятий должны быть переведены в качестве образцов и опорных текстов. Только так в обозримом будущем можно приблизиться к стандарту западных историко-понятийных исследований и обратиться к проблемам трансфера понятий и сравнительной истории понятий [15. S. 61 etc.] (таким представляется идеальное развитие событий). Еще великий историк Сергей Соловьев (1820–1879), отец Владимира Соловьева, заметил: «Мы европейцы, и ничто европейское не может быть нам чуждо» [37. С. 25].

III. В качестве заключения

История понятий располагается в поле напряжения между понятным и тем, что необходимо понять. Здесь – содержание слова, которое необходимо понять, здесь же – исследователь истории понятий, который должен понять этот смысл, здесь же – значения слов, которые должны быть поняты; здесь же, наконец, и само понятие, которое требует понятного процесса осмысления. Познаваемое и познанное соотносятся как своего рода качели. Процесс познания познаваемого можно сравнить с хождением по краю пропасти – от данной понятийной величины (познаваемой с большим трудом, возможно даже многосмысленной и переменчивой) через субъективные опции познающего до попытки объективного описания этой величины. Каждое понятие источено коррозией, и каждый исследователь понятий должен постоянно вести борьбу с сократовским «Я знаю, что я ничего не знаю» или, по меньшей мере, с немощностью сознания. Очень может быть, что он никогда не сможет воскликнуть «Эврика!» [38]. С другой стороны, история понятий (и вновь сошлюсь на описанный Гадамером понятийный мир) обладает огромным потенциалом сопротивления всяческого рода предписанию, авторитаризму и тоталитаризму. Напротив, она является запечатленным эквивалентом мышления в его самой чистой и свободной форме. Мышление, как считает тот же Гадамер, – это «приобретение общих понятий» [10. S. 240]. Перед подобным типом мышления и его понятийным миром тоталитарный режим всегда испытывал чувство страха.

IV. Post scriptum

В 2001 г. в Бамберге (Германия) впервые состоялся большой конгресс, посвященный истории русских понятий. Большинство представленных на нем докладов было опубликовано в издании: *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat*. (Hg.: *Peter Thiergen*). Köln/Weimar/Wien, 2006. 547 S.

Во вступительном слове к этому тому я в качестве его издателя и редактора описал сложное положение истории понятий как науки вообще и в особенности – русской истории понятий (S. XIII–XXIX). Вскоре после этого я написал статью, посвященную истории русских понятий, которая была опубликована в немецком оригинале на страницах издания: *Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2007.

№ 52. S. 403–412. Вышеприведенный текст является переводом этой статьи на русский язык.

В этих двух работах я предложил проект русского *pendant* к немецкому журналу «Archiv für Begriffsgeschichte» («Архив истории понятий», выходит с 1955 г.) и издания русских переводов немецких исследований, посвященных истории понятий, а также соответствующих немецкоязычных энциклопедий. Это предложение в последнее время отчасти реализовано в русских публикациях. Назову следующие издания: История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Ханса Эриха Бёдекера; пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.; Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. / пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1486 с.

Кроме того, назову следующие публикации: Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. СПб., 2006; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1–2. М., 2012; Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012 (*Studia philologica*).

Большинство этих публикаций явилось результатом совместных проектов издательства «Новое литературное обозрение» и «Deutsches Historisches Institut» («Немецкий исторический институт», Москва; Ингрид Ширле и др.). Каждый исследователь истории понятий может быть только благодарен за эти издания: это подлинные «*Studia Europaea*» и несомненный гарант того, что отныне история понятий и в России прочно позиционирована как отрасль гуманитарной науки.

При этом центр тяжести лежит на изучении политических, т.е. социально-исторических понятий, таких как *буржуазия, либерализм, нация, гласность, политика, революция, сословная структура*. Само собой разумеется, что историки интересуются преимущественно такого рода понятиями и что выдающаяся роль в подобных исследованиях принадлежит большому словарю «Основные исторические понятия» («*Geschichtliche Grundbegriffe*», O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck; 1972–1997). Эта энциклопедия не утратила своего значения до настоящего времени.

Тем не менее не следует забывать, что наряду с «Основными историческими понятиями» существует не менее значительный «Исторический философский словарь» («*Historisches Wörterbuch der Philosophie*», Basel/Darmstadt; 1971–2007, 13 Bände). Он также заслу-

живает хотя бы частичного перевода на русский язык. Философские, теологические или правовые понятия, такие как *истина*, *совесть*, *обязанность*, *привычка*, *грех*, *вина*, *забота* (*беспокойство*) или *свобода* имеют более глубокие диахронические корни и распространены несравненно шире, чем политические понятия Нового времени. Основополагающие гуманитарные дисциплины – философия (прежде всего!), история языка, классическая филология, теология или юриспруденция – это истинные прародители истории понятий, поскольку история их существования уходит далеко во времена Античности.

Разумеется, следует признать, что философские понятия по определению труднее постигнуть, нежели специфические понятийные системы определенных исторических эпох, например новейшей политики и социальной истории. Поэтому не случайно история понятий периодически приходит в соприкосновение с историей идей, историей проблем, историей концептов, историей метафор, историей мотивов и тому подобными ответвлениями фундаментальной гуманитарной науки – границы между ними очень зыбкие и текучие. Поэтому узкоспециализированные на определенных эпохах историки предъявляют истории философских понятий упрек в том, что она имеет «плавающий фокус» («Понятия о России». Т. 1. С. 35). Действительно, многие такие понятия нуждаются в определенной «эластичности диапазона», как назвал это свойство Ханс Blumenberg [39. S. 12]. Ориентированные на философию историки понятий стабильно отказываются от «релятивистского историзма» и прочно придерживаются следующей исходной установки: «История понятий прежде всего решительно отвергает такое ограничение определения понятий, которое обусловлено историческим фактором» [40. S. 7]. Следовательно, история понятий использует самые разнообразные смежные области науки [41].

Конечно, это не упрощает проблему. Однако трудно представить себе осмысленную политику и рациональный социальный строй, в основе которых не лежало бы философское понятие «добродетель». Следовательно, для адекватности истории понятия наряду с политическими и социально-историческими дефинициями необходимо предпринять и философское «усилие понятия» (Гегель). В истории русской мысли к этому аспекту истории понятий существует традиционный интерес, который нуждается только в интенсификации и систематизации уже достигнутых результатов. Исследования в области истории понятий, предпринимаемые русскими историками и философами, не должны быть просто соседствующими или даже

противоборствующими, они должны стать сотрудничеством. Для этого есть все необходимые предпосылки.

*Перевод О.В. Щербаковой (Томский политехнический университет),
О.Б. Лебедевой (Томский государственный университет).*

Литература

1. Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. (Hg.: Jürgen Mittelstraß). Sonderausgabe. Stuttgart/Weimar, 2004. Bd. 1.
2. *Schopenhauer A. Sämtliche Werke.* (Hg.: Wolfgang Frhr. von Löhneysen). Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1968. Bd 2; *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / пер. М.И. Левиной. М., 1993. Гл. XV. О существенных недостатках интеллекта.
3. *Nietzsche F. Werke in drei Bänden.* (Hg.: Karl Schlechta). Darmstadt, 1965. Bd. 3; *Ничше Ф.* Об истине и лжи во вненравственном смысле. Интернет-ресурс. Режим доступа: свободный. Код доступа: <http://nietzsche.ru/works/other/about-istina/>
4. *Thiergen P. Begriffsgeschichte: Traditionen, Probleme, Desiderat* // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. (Hg.: Peter Thiergen). Köln/Weimar/Wien, 2006.
5. *Геме И.-В.* Фауст / пер. Н.А. Холодковского. М., 1969.
6. *Gardt A. Begriffsgeschichte als Praxis kulturwissenschaftlicher Semantik* // Brisanse Semantik. Neuere Konzepte und Forschungsergebnisse einer kulturwissenschaftlichen Linguistik. (Hgg.: D. Busse, Th. Niehr, M. Wengeler). Tübingen, 2005.
7. *Zillig W. Lexikologie und Begriffsgeschichte* // Lexikologie. Ein Internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Bd. 2. Berlin; New York, 2005 (HSK 21.2).
8. *Sprache der Geschichte.* (Hg.: J. Trabant). München, 2005 (= Schriften des Historischen Kollegs. Kolloquien 62).
9. *Matuschek S. Über das Staunen. Eine ideengeschichtliche Analyse.* Tübingen, 1991.
10. *Gadamer H.-G. Mensch und Sprache* // Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. (Hg.: Dietrich Gerhardt et al.). München, 1966. S. 237–243.
11. *Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte.* (Hg.: G. Scholtz). Hamburg, 2000.
12. *Herausforderungen der Begriffsgeschichte.* (Hg.: C. Dutt). Heidelberg, 2003.
13. *Begriffsgeschichte – Diskursgeschichte – Metapherngeschichte.* (Hg.: H.-E. Böderker). Göttingen, 2002.
14. *Busse D. Begriffsgeschichte oder Diskursgeschichte?* // Herausforderungen der Begriffsgeschichte. (Hg.: C. Dutt). Heidelberg, 2003.
15. *Aufklärung und Historische Semantik. Interdisziplinäre Beiträge zur westeuropäischen Kulturgeschichte.* (Hg.: R. Reichardt). Berlin, 1998 (= Zs. f. Hist. Forschung, Beiheft 21).
16. *Кара-Мурза С.Г.* Потерянный разум. М., 2005.
17. *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1955. Т. 6.
18. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 17, доп. М.; Л., 1937–1959. Т. 11.
19. *Hannah Arendt-Martin Heidegger. Briefe 1925 bis 1975.* Aus den Nachlässen hg. v. Ursula Ludz. 3, erweit. Aufl. Frankfurt/Main, 2002.
20. *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. СПб., 1999.

21. *Silnizki M.* Der Geist der russischen Herrschaftstradition. Köln; Weimar; Wien, 1991.
22. *Silnizki M.* Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland <...> 1700–1835. Frankfurt a. M., 1997.
23. *Marquard O.* Philosophie des Staddessen. Studien. Stuttgart, 2000.
24. *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* № 119. 23.05.2006.
25. *Weigel S.* Die Aura des Nutzens // *Forschung und Lehre* 13 (2006). 8.
26. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
27. *Круглов В.М.* К истории слов и понятий: «самолюбие-самосохранение» и «самолюбие-тщеславие» в русском языке XVIII века // *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat.* (Hg.: Peter Thiergen). Köln; Weimar. Wien, 2006.
28. *Weinrich H.* Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1970. («Wort und Begriff»).
29. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999.
30. *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997.
31. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
32. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
33. *Idee w Rosji.* Ideas in Russia (Red.: A. de Lazari). 1–8. Warszawa, 1999 – Łódź, 2014.
34. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures Through Their Key Words. English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York. Oxford, 1997.
35. *Русско-французский словарь* Антиоха Кантемира. М., 2004.
36. *Проспект.* Русский идеографический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2004.
37. *Турген П.* “Homo sum” – “Europaes sum” – “Slavus sum”: К вопросу о культурном споре между просветительством, евроцентризмом и славянофильством в России и западнославянских культурах // *Евразийский межкультурный диалог.* Томск, 2007.
38. *Gumbrecht H.U.* Dimensionen und Grenzen der Begriffsgeschichte. München, 2006.
39. *Blumenberg H.* Theorie der Unbegrifflichkeit. Frankfurt a. M., 2007.
40. *Begriffs-, Ideen- und Problemgeschichte im 21. Jahrhundert* (Hg.: R. Pozzo, M. Sgarbi). Wiesbaden, 2011.
41. *Eine Typologie der Formen der Begriffsgeschichte* (Hg.: R. Pozzo, M. Sgarbi). Hamburg, 2010.

THE HISTORY OF RUSSIAN CONCEPTS: TO THE PROBLEM

Imagology and Comparative Studies, 2015, 1(3), pp. 61–80. DOI: 10.17223/24099554/3/4

Thiergen Peter. University of Bamberg (Bamberg, Germany). E-mail: peter@thiergen.de

Keywords: history of concepts as a scientific discipline, history of Russian concepts, interdisciplinarity of the Humanities.

The history of concepts is a complex discipline. It has no status of an independent subject in the high school curriculum, yet it tries to grope its place among such well-established disciplines as etymology and history of ideas, history of philosophy, history of culture. The history of concepts is subject to all the risks and has all the possibilities of interdisciplinary

heuristics. In the era of the rule of biology, natural sciences and economics, the history of concepts is suspected of speculation, uncertainty and worthlessness. It cannot be a source of utilitarian express-information due to its diachronic and abstract nature. By 'concept' I mean a certain spiritual concept covering the full complex content of the word, which is a keyword or basic concept of the history of ideas, culture and society, i.e. spiritual history, for a specific long or short period of time. The history of concepts explores genetically-semantic, historical processes of formation and transformation of these keywords. Such studies include not only descriptive, but also significant reconstructive and sometimes speculative, and some deliberative components. The longer the concept exists, the more 'unfounded' and 'fathomless' it becomes. In the immediate vicinity of the history of the concepts there is the history of constructs, the history of ideas, historical concepts, the history of discourse, discourse analysis, historical semantics, semantics of cultural studies, cultural linguistics, keyword research, etc. Surely, we must consider linguistic sciences as well: onomasiology, synonyms, antonyms, phraseology, and so on.

But if Germany regularly publishes collections of works on the history of concepts, in Russia this branch of the Humanities is in its infancy, for several reasons. 1. The initial discipline, from which the history of concepts originates, is philosophy. However, Russia has got a very poorly developed philosophical tradition. The fate of philosophy and religious philosophy in the Soviet Union is well known, while the genuine history of concepts requires uncensored work with sources, broad-based knowledge, the freedom of thought, and rejection of ideology. 2. Many other important scientific branches of history of spiritual life in Russia, and later in the Soviet Union, could not progress properly. Classical philology and jurisprudence, which are important for the development of the history of the concepts, survived a 'catastrophic decline' after 1917. There was no solid foundation for the Roman law in Russia, which affected the assimilation of concepts and moral values of personalism. The Marxist-Leninist historical science after 1917 was based on the ideological system of coercion, which, of course, destroyed theology and history of religion. The freedom of thought could only exist in the inner emigration. 3. Russian and Western linguistics primarily studied etymology, semantics, lexicology, phraseology and terminology, rather than the classic history of the concept. The formal models of descriptive linguistics, mathematical linguistics and computer science are even more remote from the history of concepts. 4. The scientific schools of literary studies such as formalism, structuralism, rhetoric, narratology, deconstruction, absurdism and others do not make the slightest contribution to the history of concepts. Nowadays among the most attractive branches of the Humanities is are theory of mass communication, communication strategies or Iconic Turn (eye turn). The regulatory methods are far more popular than the sense-making approaches like the history of concepts. 5. The history of Russian concepts is even a greater complexity due to the bilingual Russian verbal culture, i.e. the Russian-Church Slavonic diglossia that existed before. Besides, in a certain period of Russian history, there was the Russian-French-Church Slavonic triglossia, at least among the Russian educated elite, to say nothing of numerous borrowings from Greek, Latin, Dutch, Italian, German, and English. The Russian language is overloaded with borrowings, calques and international words, which often entail the transfer of concepts. 6. The Russian language is characterized by the doubling of concepts. This phenomenon is not widespread in Western languages (compare 'svoboda'/'volya', 'pravda'/'istina', 'mir'/'svet', 'uzkiy'/'tesny' etc.).

However, despite all mentioned above, the Russian history of concepts offers a wealth of material: it could have collected more extensive sources and make it available. It must be acknowledged as the inevitable difficulty that Russian concepts are in tense relationships with the semantics of the word and the text; that being borrowed from other languages, they

are often insufficiently defined and seem to be in limbo, hovering between the poles of meaning and opinion. What Russian science really lacks in this field is fundamental large-scale projects, like the historical dictionary of philosophy, or the dictionary of basic concepts as well as special editions such as the archive of the history of concepts. The Russian Academy of Sciences (RAS) should undertake corresponding obligations and promote the fundamental long-term projects in this field. Only in this way the foreseeable future can bring the standards of Western historical and conceptual studies and address the issues of transfer of concepts and the comparative history of concepts. A great historian Sergei Solovyov said, "We are Europeans, and European values are not alien to us".

References

1. Mittelstraß, J. (ed.) (2004) *Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie* [An Encyclopedia of Philosophy and Philosophy of Science]. Stuttgart/Weimar: J.B. Metzler.
2. Schopenhauer, A. (1968) *Sämtliche Werke* [Collected Works]. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft; Schopenhauer, A. (1993) *Mir kak volya i predstavlenie* [The World as Will and Representation]. Translated from German by M.I. Levin. Moscow: Nauka.
3. Nietzsche, F. (1965) *Werke in drei Bänden* [Works in three volumes]. Darmstadt; Nietzsche, F. (n.d.) *Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle* [On truth and lies in a non-moral sense]. [Online] Available from: <http://nietzsche.ru/works/other/about-istina/>.
4. Thiergen, P. (2006) Begriffsgeschichte: Traditionen, Probleme, Desiderat [Conceptual History: Traditions, Problems, Desiderata]. In: Thiergen, P. (ed.) *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat* [Russian Terms of Modern History. Contributions to a Desideratum]. Cologne / Weimar / Vienna: Böhlau Verlag.
5. Goethe, J.W. (1969) *Faust* [Faust]. Translated from German by N.A. Kholodkovsky. Moscow: Detskaya literatura.
6. Gardt, A. (2005) Begriffsgeschichte als Praxis kulturwissenschaftlicher Semantik [Term history as a practice of cultural studies of semantics]. In: Busse, D., Niehr, Th. & Wengeler, M. (eds) *Brisante Semantik. Neuere Konzepte und Forschungsergebnisse einer kulturwissenschaftlichen Linguistik* [Explosive Semantics. Newer Concepts and Research Findings of Cultural Linguistics Studies]. Tübingen: Walter de Gruyter.
7. Zillig, W. (2005) Lexikologie und Begriffsgeschichte [Lexicology and conceptual history]. In: Cruse, A. (ed.) *Lexikologie. Ein Internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen* [Lexicology. An International Handbook to the Nature and Structure of Words and Vocabularies]. Vol. 2. Berlin/New York: de Gruyter.
8. Trabant, J. (2005) *Sprache der Geschichte* [Language of the History]. Munich: Oldenbourg Verlag.
9. Matuschek, S. (1991) *Über das Staunen. Eine ideengeschichtliche Analyse* [About Amazement. An Analysis of the History of Ideas]. Tübingen: Walter de Gruyter.
10. Gadamer, H.-G. (1966) Mensch und Sprache [Man and Language]. In: Gerhardt, D. et al. (eds) *Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag* [Orbis Scriptus. Dmytro Chyzhevsky – to the 70th Birthday]. Munich. Pp. 237–243.
11. Scholtz, G. (ed.) (2000) *Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte* [The Interdisciplinary Nature of The History of Concepts]. Hamburg.
12. Dutt, C. (ed.) (2003) *Herausforderungen der Begriffsgeschichte* [Challenges of The History of Concept]. Heidelberg: Winter.
13. Bödeker, H.-E. (ed.) (2002) *Begriffsgeschichte – Diskursgeschichte – Metapherngeschichte* [The History of Concepts – the History of Discourse – the Metaphor History]. Göttingen: Wallstein Verlag.

14. Busse, D. (2003) Begriffsgeschichte oder Diskursgeschichte? [The history of concepts or the history of discourse?] In: Dutt, C. (ed.) *Herausforderungen der Begriffsgeschichte* [Challenges of the History of Concept]. Heidelberg: Winter.
15. Reichardt, R. (1998) *Aufklärung und Historische Semantik. Interdisziplinäre Beiträge zur westeuropäischen Kulturgeschichte* [Education and Historical Semantics. Interdisciplinary Contributions to West European Cultural History]. Berlin: Duncker & Humblot.
16. Kara-Murza, S.G. (2005) *Poteryanny razum* [The Lost Mind]. Moscow: Eksmo.
17. Herzen, A.I. (1955) *Sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works. In 30 vols.]. Vol. 6. Moscow.
18. Pushkin, A.S. (1937–1959) *Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t.* [Complete Works: In 16 v.]. Vol. 17, additional. Moscow, Leningrad.
19. Arendt, H. & Heidegger, M. (2002) *Hannah Arendt-Martin Heidegger. Briefe 1925 bis 1975* [Hannah Arendt, Martin Heidegger. Letters from 1925 to 1975.]. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann.
20. Frolov, E.D. (1999) *Russkaya nauka ob antichnosti* [The Russian Science on Antiquity]. St. Petersburg: St. Petersburg.
21. Silnizki, M. (1991) *Der Geist der russischen Herrschaftstradition* [The Spirit of Russian Domination Tradition]. Cologne / Weimar / Vienna: Böhlau.
22. Silnizki, M. (1997) *Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland <...> 1700–1835* [History of the Learned Law in Russia . . . from 1700 to 1835]. Frankfurt a. M.: V. Klostermann.
23. Marquard, O. (2000) *Philosophie des Stattdessen. Studien* [Instead of Philosophy. Studies]. Stuttgart: Reclam.
24. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. (2006) 119. 23rd May.
25. Weigel, S. (2006) Die Aura des Nutzens [The Aura of Usefulness]. *Forschung und Lehre*. 13. 8.
26. Robinson, M.A. (2004) *Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Fate of the Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik.
27. Kruglov, V.M. (2006) K istorii slov i ponyatiy: 'samolyubie – samosokhranenie' i 'samolyubie-tshcheslavie' v russkom yazyke XVIII veka [To the history of words and concepts 'self-esteem' – 'self-protection' and 'self-love – vanity' in the Russian language of the 18th century]. In: Thiergen, P. (ed.) *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat* [Russian Terms of Modern History. Contributions to a Desideratum]. Cologne / Weimar / Vienna: Böhlau Verlag.
28. Weinrich, H. (1970) *Linguistik der Lüge* [Linguistics of Lies]. Heidelberg: C.H. Beck.
29. Vinogradov, V.V. (1999) *Istoriya slov* [The History of Words]. Moscow: RAS.
30. Kondakov, I.V. (1997) *Vvedenie v istoriyu russkoy kul'tury* [Introduction to the History of Russian Culture]. Moscow: Aspekt Press.
31. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. The Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
32. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [The Key Idea of The Russian Language Picture of The World]. Moscow: Litres.
33. Lazari, de A. (ed.) (1999–2014) *Idee w Rosji* [Ideas in Russia]. 1–8. Warsaw, 1999 – ódĹ, 2014.
34. Wierzbicka, A. (1997) *Understanding Cultures Through Their Key Words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York/Oxford: Oxford University Press.

-
35. Kantemir, A. (2004) *Russko-frantsuzskiy slovar' Antiokha Kantemira* [The Russian-French Dictionary of Antiochus Kantemir]. Moscow: Azbukovnik.
36. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2004) *Prospekt. Russkiy ideograficheskiy slovar'* [Prospect. The Russian Thesaurus]. Moscow: RAS.
37. Thiergen, P. (2007) "Homo sum" – "Europaeus sum" – "Slavus sum": K voprosu o kul'turnom spore mezhdru prosvetitel'stvom, evrotsentrizmom i slavyanofil'stvom v Rossii i zapadnoslavyanskikh kul'turakh ["Homo sum" – "Europaeus sum" – "Slavus sum": the question of cultural dispute between Enlightenment, Eurocentrism and Slavophilism in Russia and the West Slavic cultures]. In: Lebedeva, O.B. (ed.) *Evroaziatskiy mezhkul'turnyy dialog* [Eurasian Intercultural Dialogue]. Tomsk: Tomsk State University.
38. Gumbrecht, H.U. (2006) *Dimensionen und Grenzen der Begriffsgeschichte* [Dimensions and Borders of the History of Concepts]. Munich: Wilhelm Fink Verlag.
39. Blumenberg, H. (2007) *Theorie der Unbegrifflichkeit*. Frankfurt a. Main: Suhrkamp.
40. Pozzo, R. & Sgarbi, M. (eds) (2011) *Begriffs-, Ideen- und Problemgeschichte im 21. Jahrhundert* [The History of Concepts, Ideas and Problems in the 21st Century]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
41. Pozzo, R. & Sgarbi, M. (eds) (2010) *Eine Typologie der Formen der Begriffsgeschichte* [A Typology of Forms of the History of Concepts]. Hamburg: Meiner Verlag.